

УДК 14

ШКОЛА ОДНОГО СХОЛАРХА

К 75-летию со дня смерти Казимира Твардовского († 11.02.1938, г. Львов)

Б. Т. Домбровский

В статье излагаются причины возникновения львовско-варшавской философской школы. Утверждается, что, в отличие от школы теории объектов А. Мейнонга и феноменологии Э. Гуссерля, львовско-варшавская школа во главе с ее основателем К. Твардовским сумела выйти из тупика апофатической философии Brentano и получить выдающиеся результаты в катафатической философии, в частности, благодаря различению языка-объекта и метаязыка. Высказывается предположение, что школа прекратила свое существование не с началом Второй мировой войны в 1939 г., а со смертью ее основателя в 1938 г.

Ключевые слова: апофатическая философия; семиотика; дескрипция; львовско-варшавская школа; теория суждений.

1. Школа «почти из ничего»

В предисловии к своей монографии «Львовско-варшавская философская школа» Я. Воленский пишет: «...я быстро понял, что в содеянном Казимиром Твардовским и его учениками содержится не только мощный интеллектуальный импульс, но также и очаровательная история создания чего-то почти из ничего» [17, S. 6]. В этом признании, содержащем две части — оценочную характеристику философского сообщества и кокетливое замечание о его генезисе, вторая часть в монографии остается нераскрытой. Разумеется, автор и не ставит перед собой задачу объяснить возникновение «чего-то почти из ничего». А между тем в этой почти шуточной дефиниции генезиса школы содержится немалая доля правды, причем существенной, определившей не только пути учеников Твардовского, но также и естественный распад школы. Этому акту творения «чего-то почти из ничего» и будет уделено основное внимание в настоящем эссе. Но прежде чем приступить к содержательному анализу этого почти небытия, укажем, вслед за Воленским, в качестве внешних признаков школы следующие факторы, с перечисления которых автор монографии начинает изложение: «...генетический — педагогическая деятельность Казимира Твардовского и его учеников; географический — размещение школы во Львове и Варшаве; временной — школа возникла в конце XIX в. и функционировала до Второй мировой войны; наконец, содержательный — совокупность общих идей. Ни один из при-

веденных моментов, взятых отдельно, не определяет исчерпывающим образом львовско-варшавскую школу» [17, S. 9]. Рассматривая перечисленные выше факторы, Воленский приходит к выводу, что «генетический критерий является или слишком узким, или слишком широким»; географические центры — Львов и Варшава — оказываются не единственными городами, поскольку и в других польских городах — Вильно, Кракове и Познани — работали выдающиеся представители школы; временные рамки также могут быть подвергнуты сомнению, поскольку и после Второй мировой войны были активны представители школы, в том числе из первой генерации, т.е. прямые ученики Твардовского. Относительно содержательного фактора — набора общих идей в школе — во избежание искажений можно процитировать Я. Воленского: «Четвертый фактор является, несомненно, наиболее существенным, но также и наиболее трудным в однозначном определении. Повсеместно указывается, что идейная связность школы предreshалась не совокупностью всеобщих принятых взглядов на более или менее фундаментальные философские проблемы, а общей интеллектуальной позицией. Ведь среди представителей школы находились философы с весьма разной теоретической и мировоззренческой ориентацией — отсюда, с точки зрения идей, львовско-варшавская школа является течением, намного менее консолидированным, чем феноменология, экзистенциализм или неопозитивизм. Это обстоятельство не позволяет в начале привести синтетическую, со-

держательную характеристику [школы], а попытка такой характеристики будет предпринята в последнем разделе настоящей книги» [17, S. 10]. Последуем указаниям летописца отечественной философии, чтобы рассеять высказанные им выше недоумения касательно научного содружества, называемого сегодня повсеместно львовско-варшавской школой.

Последний раздел «Подведение итогов» открывает параграф, названный «Была ли львовско-варшавская школа философской школой?». Судя по вопросу, недоумения не только не рассеиваются, но даже сгущаются. Для ответа на этот вопрос автор фундаментальной монографии «Львовско-варшавская философская школа» использует критерий, позволяющий определить, какая школа является научной. Он перечисляет те факторы, которые уже встречались в начале книги: а) общая генеалогия, т.е. «мастер и ученики»; б) время, преемственность и место функционирования; в) сознание принадлежности к школе; г) общие методологические и содержательные взгляды. Каждый элемент критерия Воленский комментирует. Комментарии весьма интересны, оригинальны и точны, но только подчеркивают недоумения, возникающие при детальном знакомстве со взглядами философов школы, причем до такой степени, что впору говорить о школе как о загадочной комете, блеснувшей на горизонте науки и исчезнувшей с началом Второй мировой войны.

Раскрывая пункт а), Воленский отмечает, что «мастерство» или учительство повторялось. А это редко встречается в других философских школах. Как правило, в школе доминируют взгляды «мастера», однако в данном случае дело обстоит иначе: парадигма философии Твардовского по мере развития школы была заменена другими воззрениями, хотя влияние мастера оставалось заметным. По мнению Воленского, Твардовский не является наиболее репрезентативным философом львовско-варшавской школы. Педагогическое же мастерство и неприятие взглядов Твардовского в качестве канона объясняется появлением логической парадигмы в философии, а многочисленность школы Воленский связывает с мировоззренческим плюрализмом, который был принят в школе как элемент программы развития философии [18].

Пункт б) оставлен без комментариев как не вызывающий сомнений относительно места, времени и педагогической преемственности.

Пункт в) у Воленского также не вызывает возражений: и он отмечает, что сознание принадлежности к данному интеллектуальному содру-

жеству связывалось с сознанием своей отличности касательно иных ориентаций.

Пункт г) с учетом «теоретического плюрализма» обосновать трудно: общность взглядов сводится к метафилософскому постулату — требованию ясного и осознанного философствования. Нельзя школу отнести и какому-либо «изму». Понимая всю широту сформулированных требований и отсутствие самоидентификации в школе, Воленский признается: «Возможно, даже лучше сказать так: львовско-варшавская школа не подписалась ни под какой известной из прошлого формулой, организующей целостность философской системы, а также и не выдумала никакой новой формулы» [17, S. 311]. Попытку же объяснить целостность философского сообщества наличием семейных черт, пересечение которых образует концептуальное ядро школы, по-видимому, не может быть принято в качестве объяснения объединяющего начала. Впрочем, рассмотрим содержание этого ядра. Оно включает «постулат ясности, интеллектуализм, заинтересованность логикой и логическим анализом, классическую концепцию истины, эпистемологический реализм, антииррационализм, интенциональную концепцию психики, эпистемологический и аксиологический абсолютизм, объяснительную концепцию гуманитарных наук и минимализм в исходной философской позиции» [17, S. 311]. Место каждого философа в школе предлагается оценивать по расстоянию от центра описанного ядра. И Воленский признается, что его определение принадлежности к школе неточно, что оно может спровоцировать «редукционистский» взгляд на школу или отдельных ее членов, а поэтому предлагает рассматривать философское сообщество «в более узком или более широком значении». Таким образом, каждый волен определяет состав школы едва ли не так, как ему заблагорассудится. А поскольку «...Твардовский не является наиболее репрезентативным философом львовско-варшавской школы», то при желании можно и его исключить из рассматриваемого интеллектуального содружества, для чего достаточно ограничиться логически ориентированными философиями. Воленский замечает, что «в этом уточненном значении Твардовский, случается, бывает причислен к львовско-варшавской школе с определенными предосторожностями» [18, S. 70]. Абсурдность ситуации очевидна, но ее можно еще усилить, для чего достаточно задаться вопросом: кто наиболее известен миру из тех, кого называет в своем списке Воленский? В книге этого же ав-

тора можно найти и ответ — Альфред Тарский. Однако Тарский не философ, а математик, принадлежащий ко второму поколению в школе и к ее варшавской части. Если описанную с точки зрения социологии ситуацию со школой утрировать, то можно придти к выводу, что она не только возникла «почти из ничего», но и превратилась в почти ничто. А между тем значимость школы нигде, никем и никогда не оспаривалась, и во всех словарях и энциклопедиях обсуждаемое научное содружество фигурирует под именем «львовско-варшавская философская школа». Очевидно, что социологический критерий, в котором используются внешние признаки идентификации научной школы, в данном случае не работает, ибо он не может объяснить ни философской серости схоласта, иногда оправдываемого педагогическим талантом, ни повторения такого же учительского мастерства у учеников, обладавших, однако, признанием своих достижений в науке, ни плюрализма, и отнюдь не мировоззренческого, а философски содержательного, ни временных и географических рамок (многие члены школы продолжали работать после войны). Единственным элементом предложенного Воленским критерия научной школы, который не вызывает критики и не умножает недоумения, остается элемент самоидентификации. Но этот элемент не является внешним по отношению к школе, а проистекает из ее среды. Поэтому для того чтобы рассеять недоумения, возникающие в связи с изучением наследия школы, следует обратиться по примеру самоидентификации к внутренним факторам, которые помогут внести ясность в перечисленные выше пункты а) – д)? Говоря иначе, по-видимому, следует вернуться к истокам школы, вернуться к деятельности ее основателя Казимира Твардовского и внимательнее присмотреться к содержательным предпосылкам формирования рассматриваемого интеллектуального содружества?

В своих лекционных курсах, а особенно в курсе логики, повторяющемся каждые четыре года, Твардовский делал упор на философии своего учителя Ф. Brentano, которая не была известна ни в одном польском университете [5]. А это уже во все немало и отнюдь не «почти из ничего», если учесть, что в творчестве Brentano берет начало теория предметов А. Мейнонга [13], феноменология Гуссерля и, как окажется, львовско-варшавская школа, а также ряд других направлений, непосредственно не связанных с воззрениями венского профессора, например, фрейдизм. «Доказательству» того факта, что появление

львовско-варшавской школы инспирировано философией Brentano, в частности, наиболее уязвимой ее частью — т.н. идиогенической (в отличие от аллогенической, т.е. иного рода) теорией суждения — и будет посвящено дальнейшее изложение. Правда, одной философии Brentano, разумеется, недостаточно и для превращения ее в теории нужен был конгениальный толкователь, каковым и стал Казимир Твардовский [2].

2. Абрис воззрений Brentano с точки зрения истории философии

Свое видение современной ему философии Brentano основывает на эмпиризме, источником которого для него стала психология. Ее утверждения, свидетельствующие о ясном и отчетливом представлении в сознании предметов, он выразил в экзистенциальном одночленном суждении «А есть». Форму этого суждения называют также тетической, поскольку в нем полагается существование предмета А: истинные утвердительные суждения свидетельствуют о существовании предмета, а ложные — о несуществовании, причем отбрасывается не суждение, как это происходит в традиционной силлогистике, а сам предмет.

Brentano критикует Канта за априоризм, противопоставляя ему психологизм, черпающий знания из эмпирии внутреннего опыта индивида. Но и Фихте обращается к активности мыслящего Я. Однако вся немецкая классика продолжает оперировать понятиями, тогда как Brentano считает их априорными конструкциями, пригодными быть использованными только в общих суждениях, являющихся у него отрицательными, т.е. такими, в которых отрицается существование. А значит, судящий не может находиться в отношении идентичности с предметом суждения, что является у Brentano основанием для вынесения истинного суждения. Но независимо от того, существует предмет суждения или нет, сознание Brentano, а точнее сам Brentano, существует. Таким образом, если Кант постулировал существование внешнего мира, независимого от субъекта, то Brentano, чтобы утверждать существование этого мира, «втягивает» его в свое сознание, а лишь затем выносит истинное о нем суждение. Поэтому в философии Brentano «истина» не только относительна (зависит от судящего), но и вторична, поскольку для ее нахождения должен существовать как предмет представления, так и судящий, наделенный санкцией высказывать экзистенциальное суждение «Я есть» [8].

Итак, у Brentano утверждение о существовании предшествует истинности суждения. В истории философии, а точнее в теологии, подобная позиция встречалась и получила именование апофатического богословия. Существование, лишенное каких-либо атрибутов, ведет в тупик безмолвия. Такое существование может быть только предметом веры. Именно поэтому познание в философии начинается не с постулирования существования, а с данности атрибутов, акциденций сущего. Онтология Brentano реистического периода и рассматривает акциденции как субстанцию, которую он называет акцидентально расширенной. Поэтому когда Brentano в экзистенциальном суждении утверждает существование предмета, он занимает позицию творца сущего по слову. А это уже не только тупик безмолвия апофатической философии, но и креационизм [10].

Позиция Brentano резко контрастирует со всей предшествующей философией. Он фактически говорит: «Я есть, значит, я мыслю, сужу, сомневаюсь, воспринимаю качества предметов и т.д. и т.п.», тогда как у Декарта наоборот — «Я мыслю, следовательно, я существую»; у Августина: «Если я ошибаюсь, то существую» («*si enim fallor sum*»). Античность же вообще не знакома с подобными конструкциями: древнегреческий язык не знает понятия субъекта, способного в любой момент превратиться в творца, ограничиваясь соотношением микрокосм – макрокосм. Для этого соотношения более подходит вопрос: приводящим ли образом или нет свойство присуще предмету, в том числе и субъекту, высказывающему суждение? Ответить на поставленный вопрос удобнее при помощи суждения, материя которого состоит из субъекта и предиката. Однако это аристотелевское суждение Brentano модифицирует и приближается к лектону стоиков с тем отличием, что функция именованного предмета суждением у него выходит на первый план, а истинность оказывается производной от существования представляемого предмета. Таким образом, круг истории замкнулся: для утверждения собственного существования Средневековье должно было сказать «я ошибаюсь», Новое время — «я мыслю», а современность возвратиться к античному парадоксу лжеца — «я лгу». А возвратиться нужно было потому, что в конструкции самоприменения в действительности утверждается существование субъекта высказывания, т.е. удастся создать, по крайней мере, самого себя по слову. Человек становится, казалось бы, творцом в полном соответствии с христианским догматом. Однако парадокс

лжеца окончательно дезавуирует последнее высказывание, ибо в естественном языке срабатывают защитные механизмы от творения бытия по слову, а для реализации задуманного или только представленного существования приходится создавать *свой* язык. Поэтому становится понятной реформа естественного языка Brentano, сетующего на его несовершенство, и использование идиогенической теории суждения [10].

Обратимся теперь к теории суждений Brentano, имея в виду только частные суждения, поскольку общие исходят из трактовки терминов для понятий и оказываются отрицательными суждениями (табл.).

Такое прочтение согласуется с реистическими установками Brentano. Именно частные экзистенциальные суждения наиболее полно приближаются к обозначающему выражению представленного предмета. Легко заметить, что выражение «существует», которым должно завершаться написание экзистенциального суждения и которое выражает момент утверждения, для обозначения предмета не играет никакой роли. А без него интерпретация частных суждений почти совпадает с выражением для дескрипции «тот S, который P». И иного способа донести образ сознания собеседнику, кроме описания, у Brentano не было. Так же, при помощи дескрипции, объяснял студентам экзистенциальное суждение и Твардовский. Возникает неестественная для естественного языка ситуация: Brentano полагает, что все формы традиционного суждения можно редуцировать к экзистенциальному суждению, но для объяснения последнего вновь приходится применять некую процедуру редукции, но уже к дескрипции.

<i>Традиционное прочтение</i>	<i>Возможное прочтение Brentano [9]</i>
(I) Некоторые S суть P	следует читать: Существует S, которое P
(O) Некоторые S не есть P	следует читать: Существует S, которое не-P

Результат повторно проделанной редукции не является неожиданным, ведь нет иного способа представить вовне имманентный сознанию, а значит, уникальный предмет, кроме как при помощи дескрипции, которая и позволяет стать ему трансцендентным. Вот как этот момент отражен в монографии Приста: «Brentano допускает, что ментальное в некотором смысле “индивидуально” (“private”). Данное слово имеет несколько смыслов в философии сознания, но Brentano упот-

ребляет его в следующем смысле: “Ни один психический феномен более чем одним-единственным человеком не воспринимается” [1, с. 107], поэтому вполне законно определять ментальное как “область внутреннего восприятия”. Верно, что физические объекты являются в некотором смысле общедоступными. Вы, я и другие можем одновременно или последовательно воспринимать один и тот же физический объект. Но вы, я и другие не можем иметь восприятия данного объекта друг другом, равно как и не можем чувствовать депрессию другого или обладать чужой болью. Ваше восприятие — это ваше восприятие, а мое восприятие — мое восприятие. Почему это должно быть так в нетавтологическом и нетривиальном смысле — фундаментальный вопрос философии сознания. Но Brentano этот вопрос не интересует» [4, с. 123]. Как окажется, из-за этого безразличия Brentano остался непонятым, а его надежды на открытие нового этапа в истории философии в результате ревизии взглядов предшественников потерпели крах. Непосредственной причиной краха стала его теория суждений, необходимым условием которой было существование представленного предмета, что и привело в тупик апофатизма.

3. Поиски выхода из тупика апофатической философии К. Твардовским

Итак, экзистенциальное суждение Brentano не удовлетворяет критерию интерсубъективности. С его помощью он выражает свой образ предмета, *для себя*, тогда как собеседнику предлагается трактовка образа при помощи описания, т.е. *для нас*. Преодолению разрыва в восприятии образа *для себя* и *для нас* без отказа от идиогенической теории суждений Brentano была посвящена вся научная деятельность Твардовского. В своей неоконченной и неопубликованной «Теории суждений» он пишет: «Мы имеем также обозримое представление о собственных явлениях сознания, о наших чувствах и суждениях и т.п., поскольку они подпадают под понятие внутреннего опыта, тогда как о явлениях сознания иных существ, имеющих таковые, мы не обладаем обозримыми представлениями, а иметь их может только существо, “смотрящее в сердце” (курсив мой. — Б.Д.) и знающее сокровеннейшие мысли всех мыслящих существ» [7, с. 52]. В «Теории суждений» Твардовский пытается обнаружить логическую форму экзистенциального суждения без насилия над естественным языком, предполагая соответствие частей материи суждения и представ-

ленного предмета, не исключая и метафизического аспекта у целого и его частей. В отличие от Brentano, он идет «от языка» к существованию представленного предмета: «Но, говоря о представлениях вообще, очевидно, что под ними мы вынуждены понимать и понятия; почему представления, взятые в уточненном значении, и понятия охвачены общим названием, образуют единую группу явлений сознания — это удастся показать лишь после исследования суждений» [7, с. 52]. Таким образом, Твардовский принимает во внимание понятия, а значит, и термины для них, т.е. принимает актуальное состояние языка, а с другой стороны, намеревается обнаружить суждение как обозначающее выражение имманентного сознанию предмета. Однако установка Твардовского на идиогеническую теорию суждений Brentano была столь сильна, что построить даже *для себя* такую теорию он не смог. С точки зрения языка эта установка состояла в том, что экзистенциальное суждение должно было не только именовать, но и (о чем вряд ли догадывался сам Brentano) создавать сущее по слову. Задачи заведомо невыполнимые: решение первой утрачено еще Адамом, а вторая предполагает занятие позиции Творца [15].

Одна из причин неудачи в построении теории суждений Твардовским — индуктивный подход к выражениям естественного языка, характерный сегодня для аналитической философии. Твардовский пишет: «А ведь теория суждений может появиться из индукции, проведенной на основе всевозможных видов суждений: только тогда она охватит естественным образом все суждения и будет выражать их сущность» [7, с. 53]. Очевидно, что эффективно применить индукцию к естественному языку, который при помощи тропов защищается от гипостазирования сущего, едва ли возможно. Для создания новой теории суждений и построения на ее основе логики нужно было отыскать логическую форму тегического высказывания, а не просто объявить его экзистенциальным, а этого не сделал ни Brentano, ни Твардовский.

В идиогенической теории суждений материя односоставного выражения языка непосредственно должна предъявлять представленный предмет, однако экспликация такого суждения проходит при помощи дескрипции, придаточное предложение которой как раз и выражает содержание, которое следует усвоить при восприятии материи, то ли суждения, то ли дескрипции. Может ли содержание однозначно идентифицировать предмет представления? В кратком реферате «О идио-

аллогенетических теориях суждения» Твардовский содержание понимает как существование. Он пишет, что «в каждом суждении следует отличать акт, содержание, предмет суждения. Актом суждения является утверждение (признание) или отрицание (отбрасывание). Содержанием каждого суждения является действительность (существование). Предмет суждения есть то, действительность (существование) чего мы утверждаем (признаем) или отбрасываем (отрицаем)» [14]. Учитывая историческую роль понятия, эта точка зрения принимает во внимание только экстенционал. Уточнение составного обозначающего выражения Твардовский пытается провести с помощью интенционала как набор общих черт сущего с учетом выражения психического акта суждения. Теперь становится понятна роль работы Твардовского «О действиях и результатах». В ней уточняется роль языкового знака, в нашем случае суждения, способного удовлетворять критерию интересубъективности, т.е. сделать предмет *для себя* предметом *для нас*. Достигается такое присвоение уподоблением «психического результата (образа — *Б.Д.*) психофизическому (выраженному суждению. — *Б.Д.*) таким образом, что он воздействует на разные индивиды, часто выражая один и тот же психофизический результат. Благодаря этому обстоятельству психический результат, повторяющийся почти идентичным образом в разных особах, приобретает характер чего-то независимого от этих действий» [6, с. 187]. Таким образом, в работе «О действиях и результатах» Твардовский намеревается преодолеть пропасть в восприятии одного и того же предмета высказывающим суждение и воспринимающим его при помощи психофизического результата, каковым является языковое выражение для представления и суждения. Два последних психических акта фактически не различаются и все рассуждения данной работы подготавливают к преодолению дистанции между двумя образами сознания — *для себя* и *для нас*. Задача была бы решена, если бы в работе прозвучал ответ о логической форме экстенционального суждения. Несомненно и тот факт, что работа «О действиях и результатах» является продолжением незаконченной, а потому и неопубликованной «Теории суждений», она является еще одной попыткой в более широких границах решить проблему интересубъективности для идиогенетической теории суждений. Границы эти определены гуманитарными науками, поскольку именно в них легче всего обнаружить проявления психической деятельности.

Учитывая негативный опыт построения идиогенетической теории суждений, Твардовский сосредоточился на онтологическом ее аспекте, развивая учение о понятиях и образах [17]. Воленский в своей монографии о школе замечает: «Твардовский отдавал предпочтение психологическому анализу в духе дескриптивной психологии. Этот тип анализа я не буду реконструировать, поскольку в львовско-варшавской школе у Твардовского не было учеников, продолжавших [культивировать] такой анализ, во всяком случае, таким анализом не занимался ни один из его выдающихся учеников. Я ограничусь — продолжает исследователь школы — единственно указанием подчеркиваемых Твардовским общих достоинств аналитического метода. Аналитическая позиция может предостеречь философию от спекуляций, ведь анализ придает дискутируемым проблемам однозначный смысл, обеспечивает *интерсубъективный характер* (курсив мой. — *Б.Д.*) дискуссий и способствует применению критического метода» [17, S. 38]. Приведенная цитата, как нам кажется, требует уточнения. Действительно, первое поколение учеников Твардовского, принеших школе славу и признание — Лукасевич, Лесневский, Чежовский, Котарбинский, Айдукевич, — не культивировали в своем творчестве психологический анализ, но это не значит, что не пробовали. Зато вторая генерация львовян — И. Домбская, Л. Блауштайн, Д. Громская, Г. Слоневская, собранные в т.н. приватиссимум, продолжили психологический анализ представлений, разрабатывая онтологию идиогенетической теории суждений. Напрашивается вопрос: почему никто из выдающихся учеников основателя школы не продолжил его в предмете исследования, но все восприняли методологию, получившую позже именование аналитической? И уж совсем трудно согласиться с утверждением Воленского об интересубъективном характере проходивших в школе дискуссий. Не могла быть обсуждаемой проблема построения идиогенетической теории суждений, зато таковыми были ее компоненты — проблема абсолютизма истины, проблема существования предметов, их номинации. Теорию суждений Brentano Твардовский разделял и излагал ее на лекциях своим ученикам во всех подробностях, стараясь убедить их в ее правильности, для чего использовал метод парафраз, широко применяемый ими (особенно Айдукевичем) впоследствии [17]. Но все старания прекрасного педагога были напрасны: никто из первого поколения студентов не смог присвоить эту теорию суждений, сделать ее *своей*. Более того, никто прямо и не вос-

стал против идиогенической теории суждений. И дело здесь не в авторитете Твардовского, который мог бы подавлять оппонента. Наверное, Твардовский был бы рад, если кто-нибудь из его учеников высказывал возражения, которые смогли бы помочь исправить недостатки теории. Можно даже допустить, что учитель провоцировал учеников на такие возражения, постоянно подчеркивая критическую составляющую аналитического метода, культивируемого в школе. Все было напрасным: предмет экзистенциального суждения *для себя* никак не удавалось сделать предметом *для нас*. А мешал этому присвоению естественный язык, превращавший представленный предмет в процессе трактовки суждения в его описание, которое в изложении Твардовского при помощи парафраз растягивалось во времени не на одну лекцию, образуя контекстуальное определение дескрипции. И во время описания, когда студентам предъявлялись все «за» и «против» излагаемой теории, совершенствовалась методология широко понимаемой логики, которую и усвоили ученики Твардовского. Понятие «широко понимаемой логики», как отмечает Воленский, включало в себя семиотику, что очевидно, ведь вопрос о предмете суждения оставался открытым: — именуется ли его экзистенциальное суждение или описывает, как того требовал метод дескриптивной психологии. Остается открытым и науковедческий вопрос: что это за философская школа, в которой никто не наследует предмет исследования схоласта, но только его метод? Но именно поэтому школа и оказывается сугубо философской, ибо у королевы наук нет своего предмета, но только служащие ей методы [16].

Наконец, отметим решение проблемы существования (правильнее будет сказать — восприятия существования) в экстенциональном и интенциональном выражении, т.е. в экзистенциальном суждении и дескрипции. Brentano она была решена радикально, а именно — принятием концепции реизма, для чего он отказывается от бикатегориальной онтологии Аристотеля, посчитав все сущее акцидентально расширенной субстанцией. Таким образом, акциденция — это тоже субстанция и только поэтому она может быть воспринята. Проблему же выражения такой расширенной акцидентально субстанции Brentano якобы уже решил в «Психологии с эмпирической точки зрения», редуцировав традиционное суждение к экзистенциальному, которое не удовлетворяет критерию интерсубъективности, вследствие чего возникает проблема утверждения такого суждения. А возникает она потому, что выносящий экзистенциальное сужде-

ние, например Brentano, неявно полагает акциденции оценками (в действительности, еще хуже — ценностями), ибо подводя их под критерий очевидности (*Evidenz*), утверждает на его основании и истинность высказывания. И если сделанное предположение верно, то остается заметить, что относительно эстетических оценок согласия нет, и тем самым объяснить невыполнение критерия интерсубъективности. Твардовский же, как было показано, пытался уточнить существование представленного предмета, развивая теорию образов и понятий, а вместе с тем искал пути выражения представленного предмета в суждении.

4. Центростремительные и центробежные тенденции в школе

Вследствие ограниченного объема статьи речь о центростремительных тенденциях в школе не может быть продолжена. Достаточно заметить, что объединению философов служили различные институциональные начинания Твардовского, а главное — его харизматическая личность.

С 1918 г. начали сказываться и центробежные тенденции в школе, приведшие к ее распаду с началом Второй мировой войны в 1939 г. Но можно высказать и иную мысль, внося в последнюю дату поправку: школа перестала существовать со смертью Твардовского, наступившей 11 февраля 1938 г. Основанием для подобного утверждения может служить тот факт, что психологический анализ, порожденный попытками обосновать идиогеническую теорию суждений, больше никому было культивировать. Говоря иначе, интерсубъективная пропасть, вызванная к жизни суждением «для себя» и «для нас», пропала, исчез раздражитель, побуждавший двигаться в направлении от онтологии к семиотике, да и первое поколение (за исключением Т. Чежовского) свою часть дистанции прошло, а второе поколение львовян сосредоточилось главным образом на онтологии в рамках дескриптивной психологии (за исключением Домбской). В Варшаве же консолидирующим началом стала математическая логика, вершиной исследований которой можно считать работу Тарского об определении понятия истины в дедуктивных науках. Эта работа и позволяет, по крайней мере, внешним образом провести различие между львовской частью школы и варшавской: во Львове философствовали на естественном языке, а в Варшаве отдавали предпочтение искусственному. Символическая логика была экстенциональной, тогда как на пути восприятия предмета экзистенциального суждения, на что и

указывал Твардовский, вставал, скажем так, интенциональный контекст содержания. Прочтение же суждения при помощи оборота «тот S, который P» приоткрывало интенциональность в придаточном предложении, но в школе никто на эту особенность не обращал внимания. Это сделал Б. Рассел в результате прочтения работ школы А. Мейнонга. Замечание Рассела по поводу выражения объектива Мейнонгом, якобы оно является дескрипцией, было верным, но для экспликации последней он использовал пропозициональную функцию, заимствованную им у Г. Фреге, что позволило уточнить возможные предметные области, но оказалась неадекватной, ибо анализ предмета представления должен проводиться в парадигме целого — части, а не элемента и класса.

Итак, причиной появления центробежной тенденции в школе следует считать пропаганду идиогенической теории суждений ее основателем К. Твардовским. Ученики Твардовского оказывались перед выбором: обозначать предмет представления или описывать его, как требовала дескриптивная психология. Зарождавшаяся математическая логика, заимствовав у математиков стандартное высказывание «обозначим», склонила чашу весов в свою пользу.

Теперь вкратце коснемся нескольких персоналий. Первым провозгласил свой отход от психологизма Я. Лукасевич, создавший трехзначную логику. В своем дневнике он писал: «Я уже давно не любил психологизма, культивируемого Твардовским, сейчас порвал с ним окончательно» [19, S. 32]. Целью габилитационной работы «Анализ и конструкция понятия причины», в которой Лукасевич выступает детерминистом, являются исследования необходимых отношений: «До сих пор никто не пытался систематическим образом разработать теорию необходимых отношений» [12, S. 54]. В качестве необходимых отношений между абстрактными предметами Лукасевич выберет логические законы непротиворечия и исключенного среднего, которые он называет «онтологическими принципами». Но существование по слову не позволит ревизовать эти законы и тогда он волюнтаристски введет третье истинностное значение «возможно», ища ему оправдание в статье «О детерминизме» [3]. Так Лукасевич перейдет от *необходимости* к *возможности*, нарушив принцип бивалентности и став индетерминистом. Однако его третья истинностная оценка, в отличие от Brentano, лишена каких-либо экзистенциальных коннотаций. Но результат оказался тем же:

Brentano отваживается на реформу естественного языка, а Лукасевич вынужден создавать свой язык, конструируя семантику логических связей создавая т.н. польскую нотацию. Созидание языка, хотя бы и в форме исчисления, свидетельствует о том, что Лукасевичу не удалось уйти от апофатической философии Brentano, а его третье истинностное значение есть такой же предмет представления, как и предметы идиогенической теории суждений.

Если Лукасевич отошел от психологизма Твардовского, то С. Лесневский воспринял вызовы, поставленные философией Brentano. Его теории реализуют функцию именования в области психологии, превращенной им в методологию (Мереология), в онтологии и логике (Прототетика). Поэтому в предваряющем работу «Об основаниях математики» посвящении Твардовскому, в котором Лесневский называет себя «благодарным учеником и апостатом философии», можно увидеть не столько отступничество, сколько извинение.

К. Айдукевич сделал упор на конвенционализм, частично преодолевающий нарушение интерсубъективности в теории Brentano, а также на выяснение смысла выражений естественного языка, не допуская при помощи семантических категорий превратиться смыслу в трансценденталии, оправдывающие существование гипостазированных предметов. А поскольку Айдукевича часто называют «философом языка», разумеется, естественного, то это значит, что изначальной его позицией было не существование представляемых предметов, а язык. Поэтому его философия катафатическая, а не апофатическая.

А. Тарский в духе работы Твардовского «О процессах и результатах» и вопреки Лукасевичу выяснил природу логической оценки «истина», указав на ее процессуальный характер даже в формализованных языках (понятие выполнения), а отнюдь не результата (вещи). Превратив же язык комментариев своего учителя Лесневского в метаязык, Тарский возвратил функцию номинации собственно языку, окончательно изъав ее у носителя языка, чем и положил конец апофатизму в философии, вернув ее на путь катафатизма. Различение в органоне философии языка-объекта и метаязыка расчистило русло течению, получившему название «аналитическая философия». Но следует помнить, что в значительной мере эта философия инспирирована взглядами Brentano, на преодоление которых Твардовский с учениками положили немало трудов.

Из первого поколения учеников Твардовского только Т. Чезовский продолжал разделять теорию Brentano, пытаясь выяснить роль трансценденталий в обосновании предметов суждений и провести демаркационную линию между онтологией и аксиологией.

Все творческое наследие львовско-варшавской школы свидетельствует о наступлении нового этапа в истории философии — апофатической философии (с первой фазой расцвета — аналитической философией) и даже наступлении второй фазы (упадка — постмодернизм) в соответствии с известной теорией Brentano о четырех фазах развития философии.

Апофатическая философия должна выявить защитные механизмы языка (как естественного, так и искусственного), запрещающие создание вещей на основе индивидуальных оценок, превращая их в категории онтологии (пространства у Brentano и времени у Лукасевича), что позволяет обнаружить экзистенциальный провал конструируемых в языке вещей и поставить заслон реизму.

Список литературы

1. *Брентано Ф.* Избранные работы: пер. с нем. М.: Дом интеллект. книги: РФО, 1996. 172 с.
2. *Домбровский Б.Т.* Позитивная метафизика: от Аристотеля к Brentano: препринт N2-92 ИППММ АН Украины. Львов, 1992. 97 с.
3. *Лукасевич Я.* О детерминизме: пер. с пол. // О принципе противоречия у Аристотеля. М.; СПб., 2012. 255 с.
4. *Прист С.* Теории сознания: пер. с англ. М.: Идея-Пресс: Дом интеллект. книги, 2000. 312 с.
5. *Твардовский К.* Автобиография: пер. с нем. // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 63–74.
6. *Твардовский К.* О действиях и результатах. Несколько замечаний о пограничных проблемах психологии, грамматики и логики // Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. М.: РОССПЭН, 1997. 251 с.
7. *Твардовский К.* Теория суждений: пер. с пол. // Философско-литературный журнал «Логос». 1999. №7. С. 50–66.
8. *Твардовский К.* Франц Brentano и история философии: пер. с пол. // Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. М.: РОССПЭН, 1997. 251 с.
9. *Черноскутов Ю.Ю.* О силлогистике Франца Brentano // Седьмые Смирновские чтения по логике: материалы Междунар. науч. конф. 22–24 июня 2011. М., 2011. С. 154–156.
10. *Brentano F.* Die Lehre vom richtigen Urteil. Nach den Vorlesungen über Logik / ed. F. Mayer-Hillebrand. Bern, 1956. 211 S.
11. *Brentano F.* Die vier Phasen der Philosophie und ihr augenblicklicher Stand. Nebst Abhandlungen über Plotinus, Thomas von Aquin, Kant, Schopenhauer und Comte. Meiner. Leipzig, 1926. 23 S.
12. *Lukasiewicz J.* Analiza i konstrukcja pojęcia przyczyny // Z zagadnień logiki i filozofii. Pisma wybrane. Warszawa: PWN. 1961. 309 S.
13. *Philosophenbriefe.* Aus der wissenschaftlichen Korrespondenz von Alexius Meinong / ed. Rudolf Kindiger. Graz, 1965. S. 143–144.
14. *Twardowski K.* O idio-i allogenetycznych teoriach sądu // Przegląd Filozoficzny. 1907. X. S. 476–478.
15. *Twardowski K.* Przemówienie wygłoszone na zebraniu jubileuszowym Polskiego Towarzystwa Filozoficznego we Lwowie dn., 12 lutego 1929 r. // Wybrane pisma filozoficzne. Warszawa: PWN, 1965. 393 S.
16. *Twardowski K.* Wyobrażenia i pojęcia. Lwów, w komisie AL, 1898. 151 S.
17. *Woleński J.* Filozoficzna szkoła lwowsko-warszawska. Warszawa, 1985. 348 S.
18. *Woleński J.* Szkoła lwowsko-warszawska: między brentanizmem a pozytywizmem // Principia. T. VIII–IX. Krakow, 1994. S. 69–90.
19. *Wolenski J.* Szkoła lwowsko-warszawska w polemikach. Warszawa, 1997. 206 S.

THE SCHOOL OF ONE HEADTEACHER

Boris T. Dombrovski

79054, Ukraine, Lvov, Kulchitskoy str., 1-70

The article analyses the reasons of the arrival of the Lvov-Warsaw School. The author argues that the L-W school, lead by its founder Kazimierz Twardowski managed to find the exit from the apophatic philosophy to cataphatic philosophy while the school of Meinong's theory of objects and Husserl's phenomenology did not succeed in it. It was possible to achieve such excellent results mainly due to the distinction, which the L-W School made between the language as an object and metalanguage. The author supposes that the School came to an end with the death of its founder in 1938, not with the outbreak of World War II.

Key words: apophatic philosophy; semiotic; description; Lvov-Warsaw School; theory of judgement.